

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА ХДУ.

Бр. №

Среда, 1-го Января 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11816.

БЕЗЪ ТЕМЫ.

Я, ванонецъ, собрался писать новогодній фельетонъ. Надушилъ мои руки съ тонкими длинными пальцами, положилъ "обою бумагу и поправилъ свѣтль лампы.

Но у меня была керосино-калильная горѣлка, поэтому свѣтъ только убавился.

Я написалъ заглавіе: "Нимфа острова Мителенъ". Но потомъ вспомнилъ, что все это могло быть до Рождества Христова и нашелъ, что моя античная экскурсія даже технически неудобна и некорректна. Тогда я придумалъ инос "Привидѣніе корабля Муэнтистъ".

Въ это время скрипнула дверь, и вошла моя сестра курсистка, бѣленъская, голубоглазая, тоненькая дѣвушка.

— Прости, ради Бога. Одна минута.

— Слушаю. Скорѣй.

— Ты не распорядился, что надо закупить на базарѣ...

— Все равно. Кажется, ты можешь это сообразить лучше меня.

— Хорошо...

Она замялась.

— Ну что еще?

— Я иду къ Мятлинскимъ.

— Ведиолично, кланяйся, извинись.

— Да, но видишь ли, тамъ сегодня частный докладъ... О женщинахъ... Я попрошу тебя... Прости. Ну, нѣсколько руководящихъ мыслей.

— Ахъ, ты считаешь меня корзиной со всякимъ хламомъ! Вчера ты спрашивала, что я думаю о вундеркиндахъ, сегодня о женщинахъ... Ничего не знаю! Есть святыя, есть самки; есть героини и любовницы, ароматные цветы и дурнушки, пикантныи и скучныи. Ну, что еще? Мужчина любить болѣе ароматныхъ и пикантныхъ. Женщина въ этомъ невиновна, а виновны портной Пуарэ, духи Коти братья Патэ, Максъ Линдерь и вообще все наше современное воспитаніе. Эмансипація прибудетъ черезъ двѣ тысячи четыреста лѣтъ; хамы уже пришли; суффражистокъ повѣсять на морскомъ канатѣ; Линдерь умретъ отъ ожирѣнія; Пуарэ создастъ новый танецъ.

Не то, не то. Психологія...

Оставь! Нѣтъ психологіи у людей вадцатаго вѣка. Они вывѣтились. Вы потрошенные индюки. Замѣть, это самое существенное,—безъ психологіи. Хочешь, визжать, развлекаются, жрутъ, любятъ, а внутри сквознякъ, какъ въ пустой квартире.

— Но это человѣконенавистничество! Какъ можно писать новогодній фельетонъ съ такимъ настроениемъ?

— Можетъ быть, ты порекомендуешь мнѣ обратиться въ сладкую шоколадную бабушку, опустить глаза къ кринолину и запѣть, какъ часы съ музикой—"Всего доброго!" „Тридцать три пуда колбасы, начиненной счастьемъ, выигрышными билетами первого здания гусиной печенкой". Благодарю! Новый годъ—такая же черная дыра, какъ и старый; и въ эту дыру своевременно навалитъ всякой дряни.

Хочется вѣрить...

— О, конечно! Мнѣ хочется вѣрить, то я буду президентомъ китайской

республики, будуѣть только ананасы и почки попугаевъ, курить только гаванская сигара, кататься на слонахъ, кроcodileахъ и морскихъ коровахъ, пить только вина двѣнадцатаго столѣтія и любить исключительно дочерей сultана и премированныхъ красавицъ.

Во Флоренціи недавно найдена прекрасная скульптура знаменитаго итальянского ваятеля Донателло, изображающая св. Иоанна Крестителя. Находка временно по-мѣщена въ музей во Флоренціи.

— Но женщина?

— Нѣтъ. Руководящихъ мыслей, какъ ты выразилась, у меня нѣтъ. Можешь замѣтить одно: женщина—это самая плохая тема, когда человѣкъ занятъ серьезнымъ дѣломъ.

— Да но развѣ Андреевъ и Арцыбашевъ несерезные люди?

— Возможно. Но я думаю, что ихъ міросозерцаніе значительно измѣнилось бы, если бы ихъ заставили написать по пять новогоднихъ рассказовъ.

— Итакъ, ты ничего болѣе не скажешь?

— Ничего. Кланяйся.

— А тамъ будешь Зива?

— Очень радъ.

— Но она тебѣ нравилась. У нея такие чудесные волосы!

Я не выдержалъ и сухо замѣтилъ:

— Довольно. Нельзя же сдѣлать изъ этихъ волосъ фельетона.

— Материалисты! Она умница, красавица.

— Отлично. Это первые двадцать лѣтъ. Потомъ сдѣлается дурой, полнилась какъ флагъ на солнцѣ, и будетъ говорить исключительно о томъ, что ея Петичка или Ваничка—вундеркиндъ!

— Еслибъ она слышала!

Сестра поднялась.

— Не забудь сказать прислужъ, что меня нѣтъ дома.

— Ты вообще никого не принимаешь.

— Я работаю, а не порчу настроеніе моимъ близкимъ. На западѣ ходить въ лости только собаки состояніи дворовъ.

— Благодарю за комплиментъ.

— Я принялъ за работу; я началь (думаю о Привидѣніи корабля Муэнтистъ).

Отчего люди любятъ именно на Годъ вспоминать своихъ покойниковъ и т. д.? Конечно, очень приятно лишний разъ почувствовать: Ты умеръ, сгинулъ, дорогой мой, а я себѣ живу, тлюю, радуюсь. Сифштексы ъѣ, новый годъ встрѣчаю!

Однако, это свинство и неэстетично заставить изъ могилъ всяющую рухлядь! И не художественно... Впрочемъ, привидѣніе можно прикрасить. На ручки черные перчатки; въ петличку орхидею или футуристическую морковь. А если женщина... Причесать у парикмахера, кости спрятать въ узкое платье и надушить. Милая прабабушка войдетъ, поздравить своего правнука и растанетъ, какъ дымъ папиросы. Правнукъ постанетъ сидѣть въ своемъ креслѣ, и—оказывается онъ въ пять минутъ посѣдѣлъ.

Нѣтъ, лучше разсказать веселенькую исторію, где все пляшутъ, хоочутъ. Милая, румяная дѣвушка—но где же найти? Ихъ нѣтъ! Всѣ блѣдны, вялы, изогнуты, иломаны, словно какой то чортъ ихъ раскачивалъ на трапеции. А главное, мнѣ ужасно надоѣла вся эта чернокудрая армія, всѣ эти женщины, дѣвушки, барышни, отъ которыхъ такъ и несетъ стихами Блока, Брюсова и Дульциней Сологуба. Не любовь, а неврастенія. А какъ обйтись? Сестра права. Надо немножко болѣе оптимизма. Люди въ концѣ концовъ—заиннаныя уставшія животныя, а оптимизмъ самый лучшій кнутъ.

Шевелитесь, старые ослы! Именно этотъ годъ и несетъ вамъ счастье. Всѣмъ есть подарки. Подтянитесь. Знаю, ноги устали, шерсть облѣзла, голова качается на позвонкахъ, словно маятникъ,—ничего. Сейчасъ и отдыхъ, и свѣжая вода, и мягкое ароматное ложе.

Конечно, если бы люди измѣнились, но старое мясо Очень пристало къ ихъ костямъ,—не отдерешь. Они мило поютъ о свѣтлыхъ зоряхъ будущаго, о любви, о грядущемъ устройствѣ жизни и одновременно дѣлаютъ бутерброды изъ своихъ сосѣдей и вакусываютъ.

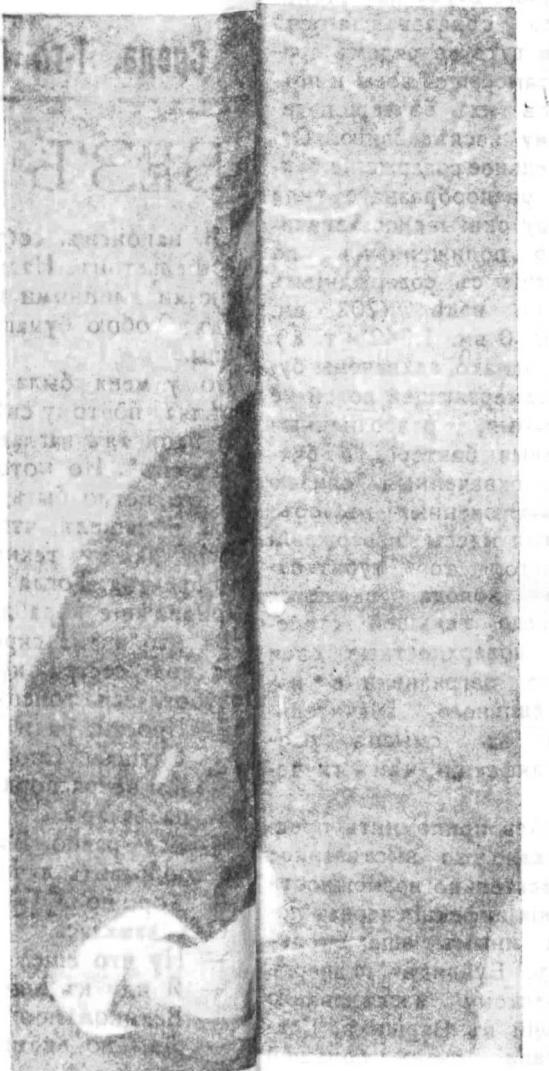
КЪ ЮБИЛЕЮ 40-Л. СЦЕНИЧЕСКОСТИ Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВА.

Н. Н. Синельников в 1874 г.
(год начала карьеры).

Н. Н. Синельников в 1899 г.
(в год празднования 25-летия юбилея).

Н. Н. Синельников
в роли Пинокио («Пинокио п'ячий»).
Снимки фот. М. Я. Лещинского.

Напиши, мой хозяинъ. Развѣ онъ не отѣль у меня бока? Это не помѣшаетъ ему подъ Новый годь, въ кругу добрыхъ друзъ шелепать салними гурами и говорить о всеобщемъ братствѣ.

Лучше поговорить о дѣяхъ. Заморозить парочку, какъ австралийскую свинину, посыпанную въ Лондонъ. Потомъ спалить на загорѣвшейся елкѣ или изо бразить какую нибудь мачеху.

Чортъ возьми, это тема! Можно пустить психологію и за нею обратиться прошлымъ вѣка.

Она была красива, высокая, ясноглазая, но на днѣ этихъ глазъ лежала свиняя холода дробь и крылья ястреба. Когда она вошла въ домъ своего мужа, то, конечно, возненавидѣла маленькаго Колю, сына отъ первой жены. На его лицѣ она словно читала отѣхъ ласкъ, которыхъ были подарены другой.

И вотъ, Новый годь — указать причину, почему эта женщина не могла выбрать болѣе удачного времени — подъ Новый годь, когда мужъ отправился въ бакалейную лавочку за папиросами, кѣлъ басой и шампанскимъ (это случается въ счасточныхъ фельетонахъ). — она вошла въ дѣтскую и стала у дверей.

Она стояла минуту двадцать, а можетъ быть, два часа, и въ это время въ ся головѣ быстро зрѣла и пышно расцѣпѣла сложный планъ ужаснаго преступленія (такъ же занѣтаются въ головахъ, наприѣмъ желанія построить дома, купить автомобиль, ударить товарища по физиономіи или нанять извозчика въ дождливую погоду).

Когда планъ созрѣлъ настолько, что показались первые красные яготки и уже прятѣлись птички полакомиться — она подошла къ Колѣ.

Коля такъ испугался, что свалился съ своей деревянной лошадки.

Но женщина улыбнулась и согласно современнымъ понятіямъ въ ея улыбкѣ были — радость, хитрость, злоба, ласковость, месть, ревность, скорбь и наслажденіе.

— Пойдемъ со мною, мой милый мальчикъ, — сказала она нѣжно. — Я придумала интересную игру.

Коля еще не проходилъ уголовнаго права, ничего не понялъ и охотно согласился. «Странно, подумалъ онъ все-таки, — мачеха всегда была дрянью хвостропкой, а сейчасъ такая ласковая. Вѣдно, это Новый годъ несетъ счастье».

Женщина привела Колю въ спальню и посадила на диванъ.

— Ты только не упрямься, Коленька, будешь забавно.

Она связала мальчику руки и ноги, вспомнивъ при этомъ похожденія, какой-то современной герояни.

— Но какъ его залушить? Она начала перебирать въ головѣ романы Луиса Вилли, Вербридкой, Пшибышевскаго но ничего подходящаго не находила.

— О сѣрной кислотѣ есть, а лушить какъ — безъ ренкета. А рѣзать противно.

Коверъ запачкаемъ платье. А впрочемъ,

существуетъ классический способъ».

Женщина взяла съ кровати подушку, бросила на мальчика, извалилась всѣмъ тѣломъ.

— Кажется, хрюпитъ.

Но естественно что въ такие дни преступленія не удаются. Въ передней раздался звонокъ. Это мужъ вернулся съ спичками и шампанскимъ.

Женщина оставила свою жертву подняла полуницу, и, о ужасъ, Коля смѣялся.

Преступница слишкомъ торопилась

и потому не замѣтила, что вместо головы ската ноги мальчику.

Черезъ часъ вѣдь пили шампанское, радовались, а Коля говорилъ папѣ:

— Мы съ мамочкой игралися. Сало жали.

Я скатился за голову. Какая ерунда!

Кто то баба задушила. А онъ былъ славный, на двухъ языкахъ говорилъ, на панино игралъ... Что, милый, тебѣ этого недостаточно? Ну тронь его рукой. Видишь — холодный. Смотри, какъ глаза выпутилъ. А глаза то стеклянные, страшные, мертвые... Приглядись, вонъ въ

но. Жалость, которую приготовлена не сколько часовъ, словно пломбиръ.

Но что же тогда? Написать бодрое, яркое. О танго что ли? Она девочка изучилась танцевать танго и послѣ этого вышла замужъ за короля гаванскихъ сигаръ. Но попавъ въ обстановку скажочной роскоши на второй же день чѣмъ-то обѣлась (на Рождество) и умерла.

— Ну конечно, же она ложа — услышила я басистъ голосъ изъ передней. Вотъ же его шуба виситъ. Нехорошо, Таня, нехорошо.

Это былъ голосъ моего товарища Николимскаго.

Онъ вошелъ ткнулъ мнѣ свою холлоную, красную руку и расхохотался такъ сильно, что я вздрогнула.

— Твой лобъ постѣрѣлъ отъ маселъ. Фельетонъ? Ого, уже три листа исписалъ! Брось, долойно — столько счастья иного для одного года. Удивительное у тебя любвеобильное сердце.

— Да ничего я не желалъ никакого счастья.

— И не стоитъ. Изъ пожеланій шубы не сошлись. Кто умѣеть, самъ все достанетъ, а не умѣеть — чортъ съ нимъ.

— Нельзя. Слабаго нужно поддержать, да и неловко подъ Новый годь быть жестокимъ.

— Ничего. Порекомендуй гимнастику Миллера, физическій трудъ, деревню вдоворый смѣхъ. Чортъ возьми, люди становятся рухлядью, изѣленной червями! Ты — писатель — ободрай зови, подымай! Бей въ набѣтъ.

— Господи, я никогда не напишу...

— Да что писать то? Улыбнись преврѣтально и крикни: «Эй, вы новогодники! Не будьте кислятиной, не глядите, какъ тухлая рыба! Стыдно! Обмыкли, закисли заслюнялись — противно. Кажется, изъ васъ кто-то позвонокъ вытащилъ со всѣми ребрами. Ну, веселый! Новый годъ походить на женщину, которая не легкодается въ руки. Побѣждай, завоевывай, — твоя будетъ. А не сумѣешь, — другимъ не мѣшай своей топнотворной слабостью! Вотъ тебѣ и все.

— Помолчи хоть минуту!

— Неблагодарный. Я тѣя спасаю. Вѣдь, ты знаешь, что у меня хорошо выкъ привѣщенъ.

— Отлично, но иногда ты имѣешь болтаешь, какъ сѣбака хвостомъ.

— Тронуть и всѣ таки спрашиваю: Знаешь ли ты, что сегодня мы всѣ собираемся у Володьки Кашенкова? Чѣмъ заготовленъ пудовый ростбифъ; пиво прямо изъ боченковъ; сестры Рудницкія обѣщаютъ пѣти романсы; Хвостовъ прочтетъ свои эпиграммы на насъ всѣхъ. Много свѣта, много смѣха! Не забывай, что Новый годъ уже на кончикѣ твоего носа.

Я поднялся побѣжденный.

— Пойми, я писалъ совсѣмъ другое.

— А о чёмъ ты хотѣлъ писать?

— О маленькому, скромному, хорошо причесаному привидѣнію.

— Пустяки. Теперь такое время, что всѣ твои, противорѣчія поймутъ какъ глубокомысленные символы. Ну, одѣвайся Пиво изъ боченковъ. Сестры Рудницкія...

— Но ты самъ совсѣмъ хочешь быть въ набѣтъ.

— Не стоитъ. Разбудишь только городовыхъ.

Мы вышли.

Гюннленъ.

СМЬСЬ.

Какъ высоко могутъ подниматься птицы?

По этому вопросу до сей поры существуютъ совершенно непримиримыя разногласія. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на наблюденіяхъ и данныхъ знаменитаго орнитолога прошлаго столѣтія Гедке (Gedke), допускаютъ, что при перелетѣ птицы поднимаются на высоту до 3,000, 5,000, 10,000 метровъ и даже выше, совершая свой путь на недоступной для человѣческаго глаза высотѣ. Въ противоположность этому, другие считаютъ среднюю высоту подъема очень низкой, не болѣе 400 м., и лишь какъ очень рѣдко исключение 1000 м. Послѣднѣе мнѣніе „Природы“ признаетъ болѣе правильнымъ на основаніи ряда новыхъ данныхъ и спутникъ, приводимыхъ Луканусомъ (Lucanus). Онъ ссылается, во первыхъ, на указанія воздухоплавателей, утверждающихъ, что выше 1000 метровъ птицы совершенно не встрѣчаются. Приводимъ доказательства, что птицы всегда летятъ въ виду земной поверхности; птицы, выпущенные съ воздушного шара, находящагося выше облаковъ, летаютъ около или садятся на него, пока не увидятъ земли, и тогда немедленно улетаютъ; маконецъ, онъ произвелъ рядъ опытовъ съ привязанными воздушными шарами, къ которымъ прикреплялись помочь длинной бечевки чучела различныхъ птицъ въ летящемъ видѣ. Онъ установилъ, что уже самыя крупныя птицы, при благопріятныхъ условіяхъ наблюдения, совершенно исчезаютъ изъ глазъ наблюдателя при высотѣ въ 2,000 метровъ, и доказалъ, что данные Гедке, считающаго для птицы того же размѣра границу видимости въ 6,000 метровъ, не крайней мѣрѣ, въ три раза превосходятъ дѣйствительность и основаны на ошибкахъ наблюденія. Кроме того, на такихъ большихъ высотахъ птицы фактически не могутъ держаться вслѣдствіе уменьшенного атмосферного давления и низкой температуры. (При высотѣ 5,000 метровъ, давление равно приблизительно 3,80 мм., температура равна—20°, при 7,000 метровъ давление 298 мм., темп.—33°).

Бактериология льда.

Взглядъ на наступленіе холоднаго времени, въ частности на замерзаніе воды, какъ на обстоятельство, препятствующее распространенію заразныхъ заболеваній, очень распространено, и дѣйствительно, взгляду этому нельзя отказать и въ теоретической, и въ практической обоснованности. Но теперь, когда удалось выяснить, что не только такъ наз. холода кровные, но и теплокровные животные могутъ благополучно выносить весьма низкія температуры, своевременно было бы пересмотрѣть не разъ задавав-

Въ ожиданіи открытия продажи билетовъ на юбилейный спектакль Н. Н. Синельникова.

Снимокъ фот. М. Я. Денисикаго.

Снѣжки.

шійся уже вопросъ о вліяніи низкихъ температуръ на жизнедѣятельность микробовъ. Нѣкоторыя данные въ этомъ направлении „Природы“ находятъ въ работѣ Edwin'a O. Jordan'a относительно микробы брюшного тифа.

Замораживание воды, въ которую внесены были палочки, губительно вліяло на жизнеспособность палочекъ; уже черезъ 15 минутъ живыхъ палочекъ оставалось лишь 41%, черезъ 6 час.—22%, а по прошествію 3 хъ недѣль—уже менѣе 1% и даже 1/2%. Самъ Jordan рѣшилъ проверить фактъ такого губительного вліянія замораживания на бактерій

въ условіяхъ естественныхъ. Въ цѣломъ рядъ местностей штата Массачусетсъ бралъ образчики, только что образовавшагося льда и тутъ же рядомъ пробы незамерзшей воды и подвергалъ ихъ бактериологическому изслѣдованию. Основательное содержание бактерий разнообразнаго типа во льду оказывалось значительно пониженнымъ по сравненію съ содержаниемъ ихъ въ водѣ (702 въ 20,000, 0 вм. 1.342 и т. д.). Если, однако, захвачены будуть замерзающей водой и отдельная, разрозненная гифозная бактерія, а бактеріи, охваченные слизью или заключенные въ сбѣистую массу изверженія больного, то губительное вліяніе холода скажется уже гораздо меньшей степени. Далѣе, поверхностные слои льда, недавно загрязненные изверженіями больного, значительно опаснѣе въ смыслѣ распространенія инфекціи, чѣмъ глубокіе слои.

Умѣстно здѣсь припомнить предположеніе, давно уже высказанное Буйвидомъ, касательно возможности распространенія инфекціи черезъ посредство льда инымъ еще, окольнымъ, путемъ. Буйвидъ подвергъ бактериологическому изслѣдованию градъ, выпавшій въ Варшавѣ, Градины достигали очень большой величины—5 на 3 сант. Въ водѣ полученной при таяніи градинъ (послѣ многократной промывки ихъ стерильнымъ бульономъ), къ частямъ бактерій было счено велико; въ 1 куб. сант. вѣды бактерій было приблизительно 21,000. Интересно, что бактеріи эти принадлежали не къ тѣмъ разновидностямъ, которая приходится обнаруживать въ питьевой водѣ. Особенно же замѣчательенъ тотъ фактъ, что одна найденная разновидность бактерій (*Bacillus janthinus*) никогда не была находима въ заявлѣнію Буйвида, ни въ Варшавѣ, ни въ окрестностяхъ ее. Палочка эта находима была только вдали отъ Варшавы, въ болотистой гнѣющей водѣ. Единственное объясненіе обнаруженнѣя заключается въ томъ, что палочка эта захвачена была въ ромѣ съ испареніями или съ пылевыми частицами и затѣмъ вмѣстѣ съ градовой тучей перенесена была на значительное расстояніе. Буйвидъ высказываетъ предположеніе, что какъ дождь, такъ и градъ могутъ при известныхъ условіяхъ играть роль въ распространеніи вредоносныхъ, патогенныхъ бактерій.

